

Вскоре после того, как Тодзи отправил сообщение, Харе добрался до указанного места.

Это был небольшой островок неподалеку от Окинавы — поросший травой склон, открытый морскому ветру и залитый лунным светом.

Из-за спешки Харе с самого утра и до глубокой ночи то и дело прибегал к перемещению сквозь пространство и время. Когда он соткался из воздуха, сил держаться на ногах уже не оставалось — Сукуна бережно принял его на руки и опустил на землю.

Тодзи тут же шагнул им навстречу:

— Вообще-то, нашли его не мы. Стоило вам уехать из Окинавы, как в отеле объявился проклятый дух. Мы его прикончили, а в брюхе обнаружили письмо.

Конверт уже вскрыли. Бумага, пропитавшись кровью проклятия, сморщилась и потемнела.

Харе взял письмо, осторожно разгладил его пальцами. Взгляд заскользил по строчкам: его имя и этот самый адрес.

Другой сам подослал этого духа. Значит, хотел встречи. Неужели это очередная уловка, как в прошлый раз, когда его заманили обманом, чтобы забрать силу и сбежать?

Харе не понимал его мотивов, но интуиция подсказывала: сейчас всё иначе.

— Что вы имели в виду, когда сказали, что там творится что-то неладное? — тихо спросил он. Голос осип от усталости. Опустошённый бесконечными прыжками, он едва держался, и даже клочок бумаги в руках казался неподъёмной ношей.

Сукуна взглянул на юношу — Харе казался невесомым, точно пушинка — и молча забрал письмо из его ослабевших пальцев.

— Тот братик превратился в цветок, — маленький Юдзи, ухватившись за штанину Чосо, задрал голову и указал на вершину холма.

Они стояли в тени склона, густой мрак скрывал всё, что происходило на другой стороне, и Харе не мог даже вообразить, каково это — обернуться цветком.

Тодзи нагнулся, одним махом сгреб обоих малышей в охапку и кивнул Харе, увлекая за собой:

— Идём, молодой господин. Сам всё увидишь.

Холм тянулся вдоль побережья — невысокий, но широкий, он изгибался над водой, напоминая затаившуюся змею.

Прогретая за день трава под порывами ночного бриза источала густой, сладковатый аромат. В зелени то и дело вспыхивали крошечные искорки светляков, а в темноте звенел неумолчный хор цикад.

Пейзаж дышал умиротворением.

Раньше Харе никогда не замечал подобной красоты. Для него горы оставались лишь горами, а вода — водой; его взор всегда скользил мимо этих мелочей.

Но теперь, убаюканный мерным шагом Сукуны, он прижимался к его плечу и смотрел, как покачивается мир перед глазами. Тонкий ягодный аромат, исходивший от Сукуны, смешивался с запахом согретой земли, укутывая его ощущением покоя и безопасности.

В каком-то странном забытии Харе вдруг подумал: «До чего же нежной бывает летняя ночь».

Вскоре они поднялись на вершину. На склоне, обращённом к морю, лунный свет лежал сплошным серебряным покрывалом, и Харе наконец понял, что имел в виду маленький Юдзи.

Посреди пологого склона высилась исполинская клетка. Сплетённая из сотен перекрученных, упрямо ползущих в разные стороны лоз, она продолжала расти прямо на глазах: молодые побеги тянулись к небу, а вдоль стеблей один за другим раскрывались бутоны кроваво-красных цветов.

Сквозь узкие просветы в живых прутьях угадывались очертания лежащего человека. Его длинные белоснежные волосы тонули в алом цветении, спутанными прядями рассыпаясь по траве. Порывы ветра срывали лепестки, кружили их в воздухе и бережно опускали на бледное тело.

Но страшнее было другое: корни всех этих лоз уходили глубоко в его плоть, словно прорастая сквозь саму жизнь этого существа.

И это не было иллюзией. Сквозь призму Шести глаз Харе видел, как бесчисленные проклятые духи волнами сочатся из измождённого тела. Едва вырвавшись наружу, они перерождались в цветущие лозы, а исходящая от них багровая проклятая энергия свивалась в плотный барьер-клетку.

Это алое свечение почти затмило бледный лунный свет. В небесно-голубых глазах Харе отражалось бушующее, точно лесной пожар, пламя.

— Когда мы прибыли, он уже был таким, — негромко произнёс Тодзи. — Подойти невозможно,

лозы кидаются на любого.

Поначалу он подумывал использовать Перевернутое копьё небес, чтобы разрушить барьер, но в последний момент передумал, решив дождаться Харе. Ни с чем подобным они раньше не сталкивались, и Тодзи опасался неловким движением навредить юноше.

— Я пробовал ударить «Пронзающей кровью», но тщетно, — подал голос стоявший рядом Чосо.
— Этот купол не пробить. Он полностью отрезал себя от мира. Похоже, ему нужен только ты.

— Я пойду с тобой, — твердо сказал Сукуна, ревниво прижимая Харе к себе. Он не собирался отпускать его одного к этой опасной ловушке.

Внутри клетки томилось Злое начало этого мальчишки. Сукуна слишком хорошо помнил, как в прошлый раз эта тварь вместе с Кэндзяку жестоко обманула Харе, заставив его вырвать собственные глаза и пролить столько слез.

— Не нужно. Он — это я, не бойся, — Харе ласково похлопал Сукуну по плечу, словно успокаивая дикого зверя.

Тот неохотно уступил: пригнулся и бережно опустил юношу на траву.

Земля под ногами казалась мягкой, точно вата. Харе покачулся, сделал глубокий вдох, чтобы вернуть равновесие, и медленно направился к багряной клетке.

Сотни цветущих плетей послушно скользнули ему навстречу. Они обвили тонкие бледные запястья, нежно коснулись щек и в мгновение ока утащили его внутрь, скрыв от посторонних глаз.

В самом сердце этого плена на примятой траве лежал его двойник. Почувствовав присутствие гостя, он медленно приоткрыл веки.

Взгляд его, хранивший холодный лунный блеск, заструился влажным туманом, едва их глаза встретились.

— Я всё видел, — тихо произнёс Харе, не отрывая взгляда от своего подобия. — Каждую твою попытку после нашей последней встречи. Я видел всё.

Юноша на земле казался хрупким, точно увядающий лепесток. Его бледное, изящное лицо хранило могильную прохладу лунного света — он выглядел настолько надломленным, что, казалось, рассыплется от малейшего прикосновения. В нём не осталось и следа той ярости, что была при их первой встрече.

Сейчас он был абсолютно безжизненным.

Харе опустился на колени, осторожно убрал упавший на щеку двойника лепесток и тихо вздохнул:

— Ты позвал меня, чтобы забрать мои силы и продолжить свои попытки?

Тот едва заметно качнул головой.

— Тогда... ты хочешь, чтобы я убил тебя? — Харе почувствовал, как слабость снова подкосила его, и просто сел рядом прямо на траву.

Второй Харе перевёл на него взгляд, его ресницы дрогнули, и он едва уловимо кивнул.

— Глупости, — Харе сорвал один из бутонов и бережно сжал в ладони, наблюдая, как лепестки пульсируют в такт его собственному дыханию. — Твой взгляд говорит об обратном. В нём слишком много тоски.

Тот, кто действительно смирился, не станет смотреть с таким затаённым сожалением.

— Ты ведь тоже безумно тоскуешь по папе и маме. Я знаю это. Понял в ту же секунду, как увидел тебя, — ведь они, по сути, были единым целым.

Харе резко сжал кулак, сминая бутон. Сок цветка — густой и алый, точно настоящая кровь — закапал сквозь пальцы, но юноша даже не взглянул на него. Он упрямо всматривался в глаза своего двойника:

— Скажи мне, чего ты хочешь на самом деле?

Молчание затянулось.

Вдруг бледный юноша резко сел. С глухим треском рвались переплетённые корни, вырываясь из его обнажённого тела; обрывки лоз извивались в ранах, точно потревоженные черви, и тут же вновь слепо тянулись друг к другу, срастаясь заново.

Он безучастно опустил взгляд на свою изуродованную плоть, затем посмотрел сквозь прутья клетки на далёкую луну, и лишь после этого его взор медленно, почти нехотя, остановился на Харе.

— Знаешь... — его голос прозвучал так, будто он только сейчас вспомнил нечто важное. — В самом начале я ведь просто хотел, чтобы родители меня обняли. Только и всего.

— Но почему-то всё пошло наперекосяк. С каждым шагом я отдалялся от них всё сильнее, пока окончательно не застрял в пустоте между осколками миров.

Он блуждал в этой пустоте, забывая себя, забывая, как здесь очутился и почему реальность раскололась на части. Единственным его желанием стало уничтожить всё вокруг — ему казалось, что лишь в пламени всеобщей гибели он обретёт долгожданное освобождение.

Но стоило Харе явиться, как память начала возвращаться. Поначалу он испытывал к нему лишь глухую, ядовитую ненависть. Разве это справедливо? Будучи лишь отвергнутым «злым помыслом», он изнывал от обиды: почему Харе мог так легко приходить к отцам, греться в лучах их любви, а ему самому не позволялось даже приблизиться?

Однако позже, когда их силы вошли в резонанс, он ощутил, что Харе несёт в себе точно такую же невыносимую, разрывающую душу скорбь. И вся его злость испарилась.

Он уже запустил механизм уничтожения двух вселенных, оставалась последняя. Он собирался переродиться там и сжечь её дотла ценой собственной жизни, но перед самым уходом его сердце дрогнуло.

После убийства Кэндзяку его проклятие обратилось вспять, ударив по нему самому. И без того хрупкий контроль пошатнулся, и запертые внутри духи взбунтовались. Они начали безудержно прорастать цветами сквозь его плоть, используя тело как питательную почву для побега.

Он колебался, но в конце концов поймал одного из духов и отправил с письмом — в отчаянной надежде, что Харе услышит его зов.

— Если тебе так нужны были их объятия, почему ты просто не попросил? — тихо спросил сидящий перед ним Харе.

Он и сам когда-то прятал всё в себе, пока не понял: высказать свою тоску и потянуться навстречу теплу — вовсе не стыдно.

Слабый, истощённый юноша опустил голову и протянул к Харе раскрытую ладонь. Прямо из его пальца проклюнулся крошечный зелёный росток и на глазах распустился алым бутоном.

Он заворожённо уставился на лепестки и прошептал:

— У всякого цветка две стороны, а человек вечно мечется между богом и демоном.

Едва прозвучали эти слова, цветок на его пальце увял, съёжился и осыпался пеплом. Юноша поднял глаза на Харе:

— Я — твоя тёмная суть. Я несу лишь погибель. И как бы сильно я ни стремился к ним, моя природа разрушила бы всё, к чему я прикоснулся. Я бы принёс им лишь горе, а этого я хотел меньше всего на свете...

— Я пытался... столько раз пытался, и ты сам видел, чем всё заканчивалось...

— Мне так холодно... Одному... невыносимо холодно...

— Ты ведь чувствуешь это, правда?

— Харе...

Его голос становился всё тише, в нём отчётливо слышались глухие, надрывные рыдания, но глаза оставались сухими — казалось, он выплакал все слёзы за сотни прошлых жизней.

И тогда слёзы ручьём хлынули из глаз Харе. Сквозь пелену он видел покрасневшие веки своего двойника и его дрожащие губы, беззвучно, одними слогами умоляющие о помощи:

— *Та... су... кэ... тэ...*

— Спаси меня...

Из груди Харе вырвался задушенный всхлип. Подавшись вперёд, он упал на колени и крепко прижал своего израненного двойника к себе, пачкая лицо слезами, что катились крупными каплями.

— Я заберу тебя с собой... — прошептал Харе.

"Я отведу тебя к папе и маме. Не бойся, Харе"

Они застыли в объятиях — два хрупких, измученных подростка. В ту же секунду стебли вокруг них точно обезумели: бутоны распускались и осыпались с бешеной скоростью, заполняя всё пространство клетки плотным алым ковром.

Харе тонул в этом море лепестков, чувствуя, как тело в его руках становится невесомым, почти прозрачным. Далеко на востоке из-за горизонта показался первый луч солнца, рассыпав по воде золотые искры предрассветного тепла.

Мальчик с заплаканными глазами бросил мимолётный взгляд на рассвет и слабо, благодарно улыбнулся:

— И правда... чудесный, ясный день...

С этим полушёпотом его очертания окончательно растаяли в воздухе.

Злое начало Харе, скитавшееся между мирами с самого его рождения, наконец вернулось домой.

В то же мгновение лавина чужой, первобытной скорби обрушилась на Харе. Юноша застыл на коленях, его глаза испуганно расширились. Грудь сдавило мёртвой хваткой, он судорожно хватал ртом воздух, но лёгкие отказывались работать.

Удушье подступало к самому горлу. Небесно-голубой цвет его глаз начал стремительно тускнеть, кожа на теле покрылась трещинами и стала отслаиваться, а острые побеги лоз безжалостно вгрызались в обнажённую плоть.

Сукуна, не сводивший глаз с проклятой клетки, мгновенно почуял неладное. Заметив, как яростно забились шипастые плети, он без колебаний взмахнул рукой, высвобождая сокрушительный рассекающий удар.

Стены темницы разлетелись в щепки, и лавина лепестков хлынула наружу. Сукуна рванулся вперёд, запустил руку в этот бушующий поток и крепко перехватил Харе за талию, вытягивая к себе.

— Мелкий, дыши!

<http://bllate.org/book/19043/2005270>